УДК 929:82.01-051

В.К. Абрамов
Саранск

РЕВОЛЮЦИОНЕР И ПИСАТЕЛЬ (К 150-летию С.В. Аникина)

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.1.13>

В статье освещены основные события жизни видного общественного деятеля начала XX в., одного из основоположников мордовской литературы С.В. Аникина (1868–1919).

Ключевые слова: С.В. Аникин, Первая русская революция 1905–1907 гг., эсеры, Государственная Дума, мордовская литература.

Abramov V.K. Revolutionary and writer (to the 150th anniversary of the S.V. Anikin's birth)

The article shows the main events of the life and work of a prominent public figure of the early twentieth century, one of the founders of Mordovian literature S.V. Anikin.

Key words: S.V. Anikin, the Russian Revolution of 1905, socialist revolutionaries, the State Duma, Mordovian literature.

Отличительной чертой почти всех первых мордовских интеллигентов конца XIX – начала XX в. была активная общественная деятельность. Пробуждающийся от вековой спячки мордовский народ выдвигал этих людей на гребень политических событий. Неудовлетворенность положением своего народа приводила их к неудовлетворенности всем общественным строем, к критике существующих порядков, местных чиновников, наконец, правительства и царя. От критики некоторые из них переходили к борьбе против самодержавия. Время Первой русской революции предоставило им немало возможностей проявить себя в этой борьбе. Таким литератором, публицистом, наиболее известным общественным деятелем мордовского происхождения в 1905–1907 гг. стал С.В. Аникин – депутат Первой Государственной Думы, лидер фракции трудовиков.

С.В. Аникин родился 27 декабря 1868 г. (8 января 1869 г. по новому стилю) в мордовском селе Камаевка Петровского уезда Саратовской губернии (ныне – Лопатинский район Пензенской области) в большой патриархальной семье, которая насчитывала 36 человек и которой управлял 93-летний прадед. Его отец, Василий Елисеевич, был мордвином-эрзя, мать, Евдокия Яковлевна, – мордвинкой-мокша. Отец ушел в армию служить за брата и вернулся, когда Степану было уже 13 лет. К этому времени он окончил земскую школу. Затем семья переехала в Саратов. Здесь мальчика определили в Александровское ремесленное училище (по слесарному и столярному отделениям), по окончании которого он уехал в Камаевку, работал там конторщиком и писцом [Козловский; Аникина, 1989, с.244].

За это время им было «поглощено» огромное количество художественной литературы. Сначала читал все подряд, но постепенно, по мере накопления знаний, ув-

лекся серьезными книгами, ставшими основой его образования. В сочетании с глубоким природным умом чтение дало ему прекрасное знание русского литературного языка, развило понятийный аппарат, мышление. Одновременное владение эрзянским, мокшанским и русским языками в громадной степени обогатило его лексикон, научило глубоко чувствовать не только смысловые оттенки, но и музыку речи. Именно здесь истоки сочных фраз, наполняющих его рассказы, успехов его публичных выступлений, когда с любой аудиторией он говорил не только о ее животрепещущих проблемах, но и на ее социальном языке.

Свои способности народного трибуна, просветителя и организатора Степан Васильевич Аникин проявил уже в 1892 г., во время холерной эпидемии, обрушившейся на Нижнее и Среднее Поволжье. Находясь в родном селе, он сумел убедить крестьян и помог им организовать предупредительные меры, благодаря чему Камаревка почти не пострадала от эпидемии. Этот случай С.В. Аникин позднее описал в рассказе «Холерный год».

Вскоре, сдав положенные экзамены, он стал народным учителем, работал в Аткарском и Петровском уездах, был удостоен должности заведующего Министерским училищем в селе Новые Бурасы Петровского уезда. Учительницей была и его жена Эмилия Эдуардовна – уроженка Саратова. С 1895 г. он стал публиковать статьи на общественные темы в саратовских газетах. С 1900 г. начинается его увлечение эсеровскими взглядами.

Высокий уровень его профессиональной подготовки, успешная просветительская деятельность привлекли внимание коллег и руководителей саратовского земства. Зимой 1902–1903 гг. С.В. Аникин направляется на первый Всероссийский учительский съезд, где выступает с докладом «О материальной и юридической необеспеченности русского народного учителя». Этот доклад, в котором С.В. Аникин призывал коллег-учителей бороться за уровень собственной духовной культуры, за улучшение условий работы и быта, настолько отвечал мыслям и чувствам собравшихся на съезд педагогов, духу времени, что был напечатан отдельной брошюрой и разослан по школам. С этого времени Аникин становится известен в среде российских учителей.

Вскоре он официально вступает в партию социалистов-революционеров и становится «известен» также сотрудникам силовых органов. 24 января 1904 г. С.В. Аникин в числе других эсеровских активистов был арестован «по обвинению в распространении прокламаций и организации крестьянского тайного общества, полгода провел в Саратовской губернской тюрьме» [Козловский]. За участие в организации забастовки Саратовской городской управы в начале 1905 г. был арестован вторично

Лидеры Трудовой группы I Государственной Думы (слева направо): А.Ф. Аладыин, И.В. Жилкин, С.В. Аникин

и уволен из отдела народного образования управы. К этому времени он становится одним из руководителей саратовской эсеровской организации. По личному указанию саратовского губернатора П.А. Столыпина ему было запрещено работать учителем. Но Аникин продолжал вести занятия в селах Петровского уезда на вечерних общеобразовательных курсах под видом лектора. По словам его дочери С.А. Аникиной, позднее он вспоминал: «То были не курсы, а сплошной митинг». В донесениях полицейских губернатору П.А. Столыпину говорилось, что Аникин «ведет дело пропаганды среди крестьян Саратовской губернии. Выступая неоднократно оратором на политических митингах, произнес ряд особенно революционных речей, призывая общество к низвержению самодержавия и восстанию для того, чтобы добиться учреждения республики» [Аникина, 1989, с.245]. Выступал он на родных языках крестьян: в русских селах – на русском, в мордовских – на мордовском [Вождаева, 2004, с.64]. Эти выступления производили необычайно сильное впечатление на крестьян. Писатель В.Г. Богораз (Тан) так рассказывал об этом: «Я встретил Аникина впервые на Петровском крестьянском съезде в Саратовской губернии. Он говорил... короткими образными фразами, которые падали, как удары молота. Таким же отрывистым и образным языком была написана резолюция съезда...» [Тан, 1907, с.302–303].

После учительского съезда одновременно с революционной начинается его литературная деятельность. В 1903 г. в газете «Саратовский дневник» за 5–13 марта он публикует свой первый рассказ – «Бездорожье», в котором излагает свои наблюдения об изменении крестьянской психологии, о нарождении поколения, готового к открытой борьбе. Под названием «Своей дорогой» новый вариант рассказа появился в 1905 г. в декабрьском номере журнала «Русская мысль». Для профессионального революционера литература становится не только средством распространения его идей, но и чуть ли не единственным источником существования. Он публикует в столичных и саратовских газетах под разными псевдонимами множество корреспонденции, статей, фельетонов. А с февраля 1906 г. принимает активное участие в издании губернской крестьянской газеты «Голос деревни». В селах она была нарасхват, но каждый из 11 номеров выходил в свет с превеликим трудом. После уничтожения в типографии 12-го номера газету закрыли. Ее преемницу, «Народный листок», постигла та же участь после 11-го номера. В них под псевдонимом С. Чардымский Аникин успел напечатать несколько статей.

Популярность и авторитет С.В. Аникина в Саратовском крае были столь велики, что он был избран депутатом в Первую Государственную Думу. Эсеровская партия бойкотировала выборы в Первую Думу, поэтому он баллотировался как независимый депутат и активный деятель Всероссийского крестьянского союза. По словам дочери Анны Степановны, он «не питал никаких конституционных иллюзий, но решил принять участие в выборах, когда увидел, как горячо жаждут крестьяне послать своих “мужичьих” депутатов в Думу». Он рассматривал ее лишь как школу политического просвещения и политической активности для крестьян. Это следует из его обращения к своим избирателям перед отъездом в Петербург. В этой речи, изложенной на страницах саратовской газеты «Приволжский край», в частности, говорилось: «Товарищи крестьяне! Вы собрались, чтобы я выслушал ваши нужды и твердо постоял за них. Удовлетворить же ваши нужды не может настоящее бюрократическое учреждение, членом которого я избран... Многие думают, что эта Дума внесет в истрадавшуюся страну спокойствие и порядок. Но напрасно они так ду-

мают! Мы не верим больше нашей бюрократии, мы не хотим ее архаического строя! Наши нужды может удовлетворить лишь новая полновластная Дума, созданная на основе всеобщей, прямой, равной и тайной избирательной системы...» [Аникина, 1989, с.246].

Посланцы крестьянства заняли в парламенте 107 мест из 524, но, несмотря на столь солидное представительство, их сначала не считали серьезной думской фракцией. Более того, учитывая традиционную приверженность российского мужика престолу и его политическую безграмотность, царское правительство даже надеялось на поддержку крестьянских депутатов и бросило им подачку в виде хорошей гостиницы и отличных обедов по явно заниженным ценам. По имени заведовавшего этой гостиницей некоего Ерогина крестьяне прозвали ее Ерогинской живопырней. Они не «купились» на эту подачку и вскоре показали, что совсем неплохо разбираются в ситуации. Пестрая по своим политическим воззрениям, разнообразная по имущественному цензу, а следовательно, по экономическим интересам, группа крестьянских депутатов неожиданно быстро сложилась в единую организацию, ставшую значительной политической силой в начале XX в. и вошедшую в историю страны под названием «Трудовая группа». Как вспоминал позднее секретарь Трудовой группы И.А. Бонч-Осмоловский, это наименование впервые прозвучало в речи С.В. Аникина на заседании группы крестьянских депутатов перед открытием Государственной Думы и было принято с одобрением [РГАЛИ. Ф.2206. Оп.2. Д.29. Л.1–3].

Такая экстраординарная быстрота появления новой фракции, по сути политической организации (хотя трудовики так себя не называли), удивила многих деятелей того времени. В частности, В.И. Ленин писал об этом: «Серый русский мужик перестал быть политическим сфинксом. Несмотря на все искажения свободы выборов, он сумел проявить себя и создал новый политический тип трудовика. Отныне под революционными манифестами наряду с подписью организаций и партий, которые складывались в течение десятилетий, прибавилась подпись Трудовой группы, сложившейся в несколько недель. Революционная демократия обогатилась новой организацией...» [Ленин, 1972, с.334–336]. Следует подчеркнуть, что такому быстрому объединению депутатов, часто с различными взглядами на многие процессы и явления, в немалой степени способствовали ее лидеры, среди которых современники, прежде всего, выделяли А.Ф. Аладьина, С.В. Аникина и И.В. Жилкина. Выходец из мордовских симбирских крестьян Алексей Федорович Аладьин, в будущем активный участник корниловского мятежа, закончивший свою политическую карьеру членом английской военной миссии при генерале П.Н. Врангеле, иногда характеризовался оппонентами как «честолюбивый авантюрист», в то время как двое других считались «людьми идейными и искренними». Земляк С.В. Аникина Иван Васильевич Жилкин, будущий литератор и работник Наркомпроса, как следует из тех же источников, отличался умеренностью и склонностью к компромиссам, «подкупал безыскусственной простотой и искренностью своих выступлений» [Оболенский, 1990, с.102–103].

Что же касается С.В. Аникина, прозванного в Думе Стенькой Разиным, то его были вынуждены признать и друзья, и враги.

Литератор А.Н. Александровский, слышавший его выступления, писал в декабре 1906 г.: «Все грамотные люди, читающие газеты (а кто их сегодня не читает?), знают Аникина. В течение исторических дней существования первой Думы он приковал к себе взоры не только друзей, но и противников, ибо это была, без сомнения, самая

видная и внушительная фигура в трудовой группе. Излюбленный человек крестьянства, человек серьезной и глубокой мысли, Аникин обладал редким ораторским дарованием, таким же своеобразным, какой была вся его личность вообще» [Киевский листок, 1906]. Особенно запомнились депутатам его выступления при обсуждении ответа на тронную речь, по аграрному вопросу, по вопросу о незаконных действиях властей, о смертной казни и другие. Именно он внес в Думу предложение не расходиться до тех пор, пока не будет принят закон об отмене смертной казни и др. [БСЭ, Т.1, стб.758].

Для российской интеллигенции его появление среди депутатов Думы явилось открытием. Журналист А. Цитрон в своей книге «72 дня первого русского парламента» отмечал: «Аникин несомненный главарь трудовиков... пользующихся исключительным влиянием среди крестьянства. В глазах его светится выражение чистоты и глубокой веры. Это настоящий сын народа, его цвет, его надежда» [Цитрон, 1906, с.166]. Другой журналист, С.Я. Елпатьевский, писал об Аникине: «У него нет красивых оборотов и рассчитанных жестов, но есть ясная и яркая, упорная, напряженная и неуклоняющаяся линия мысли, которая держит во власти слушателей. Мне все кажется, что он с величайшим усилием сдерживает себя, и я все жду, что этот высокий голос сорвется, и выльются гнев и негодование в жестоких, страшно бьющих, не парламентских словах. Из всей Думы этот суровый, сумрачный человек кажется мне самым ярким представителем будущего “мужика русского парламента”. Выдающийся художник И.Е. Репин в письме к знаменитому критику В.В. Стасову восклицал: “Сейчас прочел речь Аникина. Какая правда! Какая сила! Вот Россия!”» [Алешкина, 1989, с.6–7].

Незаурядность лидера трудовиков пробивается даже сквозь неприязнь, сквозящую в воспоминаниях кадета В.А. Оболенского: «Его речи нравились крестьянам, ибо в них чувствовалась подлинная мужицкая ненависть к привилегированным классам общества и презрение к представителям высшей интеллигенции. Что-то было стихийное в этом могучем человеке и как-никак талантливом ораторе. И, несмотря на малую содержательность его речей, насыщенных уже набившей нам оскомину трафаретной революционной фразеологией, в них чувствовалась большая разрушительная сила и неукротимая воля» [Оболенский, 1990, с.103]. «Трафаретной революционной фразеологией» князь Оболенский, видимо, считал основные положения предлагаемой трудовиками аграрной реформы, вошедшей в историю как проект 104-х. Были и другие мнения, например, В.И. Ленин писал о нем: «Проект “104-х” есть не что иное, как платформа борьбы за превращение состоятельной части закабаленного крестьянства в свободное фермерство» [Ленин, 1973, с.249]. С.В. Аникин был одним из авторов этого проекта, наиболее страстным и убедительным его защитником в думских прениях.

Основным оппонентом С.В. Аникина выступал бывший саратовский губернатор, тогдашний министр внутренних дел и будущий премьер-министр П.А. Столыпин. Эти два незаурядных человека очень хорошо знали друг друга, и думские баталии между ними носили прямо-таки ожесточенный характер. Столыпин с удовольствием арестовал бы Аникина, однако тот, как депутат, пользовался правом юридической неприкосновенности. В.Г. Богораз (Тан) писал об этом: «Каждый раз, когда я вижу, как эти два человека встречаются в Думе, во мне загорается насмешливое злорадство. Губернатор Столыпин всячески донимал Аникина, сажал его в тюрьму, охотился за ним с жандармами, как за человеческой дичью. Но в Думе нет жандармов, и министру Столыпину приходится пускать в дело только словесное оружие. Аникин является для Столыпина неумолимым саратовским свидетелем. Он обличает в Думе

все подвиги этого корректного джентльмена, вплоть до “матерных слов и приказов о мордобое”» [Тан, 1907, с.219]. В связи с этим читателю, возможно, будет интересно узнать, что толика мордовской крови текла и в жилах Столыпина. Его прабабушка, Вера Николаевна Столыпина (урожденная Мордвинова), была дочерью выдающегося государственного деятеля-реформатора времен Екатерины II – Александра I Николая Семеновича Мордвинова – потомка мордовского феодала, перешедшего на службу к Ивану Грозному в 1546 г. [Абрамов, 1991, с.191].

В июле 1906 г., незадолго до роспуска Думы, Трудовая группа направила С.В. Аникина в Лондон на конференцию социалистов межпарламентского союза, где он рассказал о событиях в России и призвал социалистических депутатов из парламентов многих стран мира объединить усилия для помощи русской революции. Выступая на многотысячном митинге в знаменитом Гайд-парке, он также обратился к английскому народу с призывом бороться против предоставления займов царскому правительству, которое было намерено использовать полученные деньги для подавления революции. Здесь же, в Лондоне, застало Аникина известие о роспуске Первой Думы, поэтому он не смог подписать Выборгское воззвание части её членов о призыве к гражданскому неповиновению, которое, несомненно, поддерживал. Без своего наиболее радикального лидера трудовики при составлении Выборгского воззвания оказались даже правее кадетов – инициаторов гражданского неповиновения [Брокгауз, Ефрон, 1906, с.788].

Депутатской неприкосновенностью он, таким образом, более не пользовался, и его возвращение в Россию грозило арестом. Но он все-таки вернулся, чтобы дать отчет своим избирателям. Принял участие в выборах во II Государственную Думу и вошёл в состав выборщиков. Но Саратовская комиссия по выборам аннулировала его избрание на основании Постановления Сената, введшего правило, согласно которому по крестьянской курии имеют право участвовать в выборах только крестьяне, ведущие своё хозяйство [Новый энциклопедический словарь]. Впрочем, 3 июня 1907 г. была распущена и Вторая Дума. Царизму удалось подавить Первую русскую революцию. Игра в демократию кончилась. Ликвидировались политические свободы, закрывались вольнодумствующие газеты, арестовывались наиболее активные противники самодержавия. Однако Аникин и в этих условиях продолжал руководить Трудовой группой, являлся членом ее ЦК до 1909 г., отстаивал идею бойкота выборов в III Думу, но его не поддержало большинство трудовиков.

В эти годы ярко проявился талант Аникина-публициста. Широкую известность приобрела его сатирическая сказка «Либеральная кукушка», высмеивавшая наивную веру кадетов и других либералов в то, что Дума способна ограничить самодержавие и улучшить положение в России. Сказка была напечатана под псевдонимом С. Чардымский отдельной брошюрой и по выходе в свет большей частью конфискована. Аникин активно печатался в журнале «Русское богатство», где редактором был В.Г. Короленко, но позже разошелся с ним во взглядах [Войналович, Кармазинская]. Затем последовала серия очерков «В глубине России», которая публиковалась в петербургском журнале «Бодрое слово» за 1908 и 1909 гг., одним из основателей и редакторов которого он стал.

В начале 1909 г. также в Петербурге С.В. Аникин публикует сборник «Мордовские народные сказки». Сборник был дополнен его статьей «О мордовском народе по поводу сказок». Наряду с работами М.Е. Евсевьева и диссертацией Ф.Ф. Совет-

кина эта статья явилась одной из первых работ, где о своем народе писали мордвини. Сборник обратил на себя внимание Л.Н. Толстого, который, прочитав мордовские сказки, просил передать С.В. Аникину просьбу приехать в Ясную Поляну. По свидетельству Д.П. Маковицкого, Л.Н. Толстой говорил: «Аникин мне симпатичен, у него лицо мужицкое, мордовское. Мордвини отличаются упорством. Никон, Аввакум были мордвини» [Маковицкий, 1979, с.198]. Приехать Аникин не смог, т.к. в апреле того же года был в очередной раз арестован. Его подорванное здоровье уже не могло выдержать неудобства нелегального образа жизни и тем более тюрем. Будучи выпущен под залог, он эмигрировал в Швейцарию, где жил в местечке Онэ близ Женевы [Вождаева, 2004, с.69].

Пять лет, проведенных в этой стране, оказались чрезвычайно плодотворными для него как писателя, здесь он дорабатывает почти все рассказы, написанные ранее, создает новые. Некоторые из них были напечатаны в журналах «Вестник Европы», «Новое слово» и других периодических изданиях. В 1911 г. из них составил сборник «Деревенские рассказы», выпущенный петербургским издателем М.В. Аверьяновым. Особую популярность приобрели его рассказы «Холерный год» и «Странник». Возможно, ностальгия стала причиной того, что в этих рассказах явственно проступает острое чувство Родины, ее природы, людей, языка. Эта ностальгия звучит и в его многочисленных письмах в Россию [РГАЛИ. Ф.2206. Оп.2. Д.97]. Также тосковал он по возможности говорить на родном мордовском языке. «Вот штука: чем больше живу здесь, – писал он своему другу и земляку редактору “Вестника Европы” И.В. Жилкину, – тем острее чувствую красоты родного языка» [Аникина, 1989, с.250]. Хотя в Швейцарии С.В. Аникин имел возможность разговаривать на родном языке со своим другом, тоже эмигрантом и депутатом Первой Думы, членом партии социалистов-революционеров, а впоследствии видным работником Наркомпроса, мордвином Григорием Карповичем Ульяновым.

Эмиграция С.В. Аникина продолжалась до Первой мировой войны. При первых же ее залпах он с семьей, преодолев огромные трудности, вернулся в Россию. Уже на границе был арестован и отправлен в саратовскую тюрьму. В мае 1915 г. после судебного разбирательства его отпускают на свободу. В 1915–1919 гг. он становится видным деятелем кооперативного движения, активно распространяет его идеи в качестве разъездного лектора Московского союза кооперативов. После Февраля 1917 г. перебирается в Саратов, где избирается заместителем председателя земской управы. В мае 1917 г. он участник 1-го Всероссийского съезда крестьянских депутатов, товарищ председателя и заведующий отделом народного образования Саратовской губернской земской управы. После Октября – председатель правления организованного им Нижневолжского кооперативного союза. В 1918 г. был избран в состав Саратовского совета рабочих и солдатских депутатов. В июне 1918 г. стал издавать журнал «Кооперативная мысль». 2–4 марта 1919 г. проходил съезд кооперативного союза, Аникин выступил на нем с большой речью. Придя после съезда домой, почувствовал себя плохо, вскоре у него случился третий инсульт (первые два были в 1915 и 1917 гг.). Умер С.В. Аникин 5 марта 1919 г., похоронен в Саратове [Степан Аникин].

С.В. Аникин, по сути, стал одним из первых мордовских исследователей национального фольклора. История и фольклор мордвы всегда привлекали его. В «Саратовском листке» от 21 февраля 1896 г. он опубликовал статью «Народный быт

и верования мордвы в песнях и сказках». Большим комментарием он снабдил сборник «Мордовские народные сказки», изданный в Петербурге в 1909 г. В этих статьях виден талант исследователя.

Его также в полной мере можно считать основоположником мордовской русскоязычной литературы. Анализируя его литературное творчество, М.Н. Вожаева писала: «Читая произведения писателя, ясно ощущаешь единственную и поглощающую автора тему: русская деревня начала XX в., с одной стороны, неграмотная, суеверная, озлобленная и запуганная “начальством” и вместе с тем – понимающая невозможность жить по-старому, стихийно рвущаяся к счастью, проникнутая предгрозовым революционным брожением. При этом изображение жизни крестьянства царской России лишено у автора искусственной нарочитости, которой грешат многие писатели деревенской тематики...» [Вожаева, 2004, с.143].

Но прежде всего С.В. Аникин остался в памяти современников революционером, истинным народным депутатом в самом высоком значении этих слов. Его популярность как общественного деятеля не знала социальных и административных границ, а в родных местах была просто легендарной. Выступая от имени саратовских крестьян, он умел выражать чаяния многомиллионного многонационального российского крестьянства, отстаивать их словом и пером. Этой борьбой он защищал интересы и своего мордовского народа.

Литература

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

РГАЛИ. Ф.2206. Оп.1. Д.29.

РГАЛИ. Ф.2206. Оп.2. Д.97.

Абрамов В.К. По следу времени. Саранск, 1991. – 304 с.

Алешкина С.А. «... Из недр народа» // Аникин С.В. Плодная осень: рассказы, сказки. Саранск, 1989. – С. 5–16.

Аникина А.С. Писатель русской революции // Аникин С.В. Плодная осень: рассказы, сказки. Саранск, 1989. – С. 244–250.

Большая Советская энциклопедия (БСЭ). 1-е изд. / Под общ. ред. Н.И. Бухарина и др. В 66 т. Т. 1. М., 1926. – 832 стб.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. В 42 т. Т. 2/д. СПб., 1906. – 982 с.

Вожаева М.Н. Творчество С.В. Аникина в контексте формирования дооктябрьской мордовской литературы: дисс. ... канд. фил. наук. Саранск, 2004. – 163 с.

Войналович Е.В., Кармазинская М.А. Степан Васильевич Аникин / Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь [http://az.lib.ru/a/anikin_s_w/text_1911_bio.shtml].

Киевский листок. Саратов, 1906, 17 декабря.

Козловский И. Степан Васильевич Аникин // Большая Саратовская энциклопедия [<http://saratovregion.ucoz.ru/people/politics/anikin.htm>].

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. 1972. – 579 с.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. 1973. – 697 с.

Маковицкий Д.П. У Толстого. Яснополянные заметки // Литературное наследство в 4 т. Кн. II. М., 1979. – 687 с.

Новый энциклопедический словарь (1910–1916) [<http://www.rulex.ru/01010531.htm>].

Оболенский В.А. Первая Дума // Наука и жизнь. 1990, № 8. – С.101–103.

Степан Аникин // LiveLib (Лайвлиб) [<https://www.livelib.ru/author/814058-stepan-anikin>].

Тан (Богораз-Тан В.Г.). Красное и черное. М., 1907. – 339 с.

Цитрон А. 72 дня первого русского парламента. 2-е изд. СПб., 1906. – 167 с.